

Содержание

<i>Мишель Добри. Предисловие</i>	8
ВВЕДЕНИЕ	20
Непрерывные изменения политического пространства	36
Полевое исследование и используемые материалы	43
Первая часть. ИЗ КОГО СОСТОИТ НЕФОРМАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ? ЛОГИКИ И ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ВОВЛЕЧЕНИЯ	53
1. Политическая социализация первых неформалов	58
Два пространства протестной инициации	61
Социальные механизмы изобретения двусмысленной практики ..	70
Четыре типа активистских карьер	87
2. Социальные логики позднего вовлечения (вторая когорта)	102
Разнородное социальное происхождение предрасположенности к «конформизму»	104
Отдаление от мест альтернативной политики	109
Вовлечение в неформальное движение	117
Вторая часть. ИСТОРИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ОСОБОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (1987 — ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1988 ГОДА)	123
1. Неформалы и партийные реформаторы: игра в сговор	128
Рождение новой формы политической мобилизации: неформальные клубы	129
Как возник сговор	141
Новые правила игры	147

СОДЕРЖАНИЕ

2. Условия стовора: одновременная игра в разных пространствах.....	158
Официальные арены.....	159
«Отделить зерна от плевел»: неформалы в новом конкурентном пространстве	164
3. Августовская Встреча-диалог 1987 года: публичная объективация неформального движения.....	172
Борьба за определение движения.....	173
Успех Встречи-диалога и его последствия для взаимодействия неформалов с партийными реформаторами	183
Цена победы: сплочение «радикального» крыла.....	191
4. Постепенное втягивание в «большую политику»	199
Тактические инновации в игре с властью.....	202
Усиление внутренней конкуренции.....	225
Третья часть. ОТ НЕФОРМАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ: СМЕЩЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ (1989—1990 ГОДЫ).....	241
1. Неформалы в предвыборной гонке	251
Формирование советов в качестве властных инстанций.....	253
Выборы 1989 года.....	260
На пути к реконфигурации движения.....	278
Роли и позиции	282
Эффекты предстоящей кампании: выборы 1990 года.....	289
2. Неформальные клубы и борьба внутри КПСС.....	307
Партийные клубы и реформаторы.....	309
Соблазн завоевания власти внутри партии	324
Выход «Демократической платформы».....	337
3. Размывание «неформальной» идентичности.....	349
Формирование поля демократических партий	350
Харизматический лидер и зависимое от него движение	365
ЭПИЛОГ.....	393
Реконверсия и активистские капиталы	395
Профессионализация лидеров неформально-демократического движения (1990—1993).....	397

СОДЕРЖАНИЕ

Бывшие неформалы-демократы на периферии политики (1993—2000-е)	408
Формы оппозиционного активизма	417
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	421
<i>Ален Блум</i> . Послесловие	425
Библиография	430
Первоисточники	445
ПРИЛОЖЕНИЯ	
График 3. Динамика партийных клубов	453
Хронология	454
Список аббревиатур	459
Список таблиц	461
Список врезок	462
Список графиков	463
Указатель имен	464

Мишель Добри¹

Предисловие

Около двадцати лет прошло со времени Перестройки и больше пятнадцати лет после распада Советского Союза, ставшего одновременно и ее концом. Не вызывает сомнений тот факт, что интерес социальных наук к этому событию очень быстро заслонила собой их прежний интерес: к тому, что предшествовало распаду, — и все процессы, составлявшие Перестройку, стали рассматриваться в свете уже известного результата. Такая логика легко объяснима — мы имеем дело с распространенной в исторических интерпретациях иллюзией. Во всем мире распад СССР сразу начали описывать как очень важный политический поворот, чреватый серьезными последствиями и для разных слоев населения, политических формирований и «национальных» групп, составлявших советскую империю, и для структурирования международного пространства. В этом, по крайней мере, интерпретаторы данного события не совсем ошиблись. Сегодня мы знаем, что трансформации, происходившие на советском пространстве, соответствуют тому, что на языке социальных наук мы называем «социальной революцией»: это серия резких изменений, глубоко влияющих на многочисленные параметры социальной организации того или иного общества, а не только на его политическую сферу. Мы также знаем и другое: вопреки прогнозам аналитиков, которых Макс Вебер в свое время назвал «мини-пророками на службе у государства», международная система не скатилась к некоему «неофеодализму», универсуму «без верховной власти» или, в духе совсем иных пророчеств, к «концу истории». Тем не менее произошедшее

¹ Профессор в Университете Париж I — Пантеон-Сорбонна.

действительно вызвало такие эффе́кты, которые не сводятся к утрате коммунизмом «идеологической» привлекательности (серьезные аналитики не могут не знать, что эта привлекательность сильно поблекла еще задолго до падения СССР; и кстати, это замечание также — и даже в первую очередь — относится к самому советскому обществу).

Казалось бы, такой поворот событий должен вызвать со стороны социальных наук сильнейшее стремление исследовать, понять, разъяснить — и, может быть, даже обратиться к новой проблематике. Я не стану здесь размышлять, почему эти ожидания в целом не оправдались. Вероятно, они были необоснованными, поскольку не существует необходимой связи между важностью исторического эпизода и уроком, который социальные науки способны из него извлечь. Тем не менее среди крайне приблизительных и, будем надеяться, предварительных работ есть и выдающиеся исключения, а именно исследования, авторы которых, рассматривая «произошедшее» в Советском Союзе во второй половине 1980-х годов, приходят к продуктивным концепциям, с точки зрения социальных наук далеко выходящим за рамки этого уникального исторического периода. Книга Кароль Сигман, вне всяких сомнений, принадлежит к этой категории. А ведь на первый взгляд объект и проблематика у нее самые скромные. Вместо того чтобы сосредотачиваться, как это делали многие аналитики советского «переходного периода», исключительно на играх и маневрах групп или персон в верхах «номенклатуры», Кароль Сигман предпочла исследовать зарождение, деятельность и историческую траекторию изначально малочисленного (всего в несколько сотен участников), малозаметного и не очень легитимного объединения групп, обладающего слабыми ресурсами (так, в связи с недостатком залов заседаний в первый период своего существования эти группы оказываются в сильной повседневной зависимости от доброй воли некоторых представителей различных структур официальных институций). Речь идет о «неформальном» движении или, точнее, о целом множестве микроорганизаций, появляющихся с 1986—1987 годов и в большинстве своем принимающих более или менее доступную, однако расплывчатую институциональную форму «клубов». Такая форма позволяла поддерживать в отношении легитимной политики, ее представителей и того, за что боролись эти клубы, некоторую долю

неопределенности — что особенно подчеркивает понятие «неформальный», которое быстро станут применять к этим связанным между собой клубам. Кароль Сигман ограничивает свое исследование в основном московскими неформальными клубами. Этот выбор вполне оправдан, поскольку столичные клубы действительно представлялись образцами для организаций, возникающих в других городах СССР, и выступали некими узловыми точками негласной координации, важными для их собственной деятельности. Автор изучает активистов таких клубов и их руководителей, а также социальные пространства, в которых им приходится действовать. Она восстанавливает последовательность разных состояний этих пространств, где изначально некоторые клубы-пионеры (вроде «Перестройки», КСИ или даже «анархистов» из движения «Община») более-менее демонстративно избирают оригинальную оппозиционную тактику, делая ставку на сговор и взаимную поддержку с отдельными сегментами КПСС, воспринимавшимися как «реформистские». Во многом именно благодаря этой тактике впоследствии складывается коллективная идентичность неформального движения, отличающая его от оппозиционных групп диссидентов предыдущего периода, которых часто критикуют за неэффективность и тактическое бездействие.

Итак, перед нами объект в момент своего зарождения микроскопический — если рассматривать его в масштабах всего советского общества, в котором стремятся действовать неформалы и которое они хотят изменить. К тому же это объект эфемерный: траектория неформального движения разворачивается на крайне недолгом отрезке времени, ведь уже в 1990—1991 годах оно растворяется в гораздо более мощном социальном подъеме, появлению и структурированию которого само же и поспособствовало. Возникновение этого общего «демократического движения» произошло, в частности, под влиянием неожиданных и глубоких трансформаций пространств политической конкуренции и быстрого устаревания прежней рутинной политической игры. По правде говоря, движение это не менее расплывчатое. В последующий период быстрая профессионализация политической деятельности, а также стабилизация правил политического соревнования, сосредоточенного прежде всего вокруг борьбы за доступ к ресурсам исполнительной власти, обречут на

отмирание последние остатки идентичности неформального движения, хотя празднования некоторых годовщин и, возможно, недоверие к той форме, которую принял режим правления в современной России, и по сей день пробуждают своего рода сообщничество и ностальгическое взаимопонимание между некоторыми бывшими членами «клубов». В силу хрупкости «неформального» движения, его чувствительности к трансформациям конъюнктур и к влиянию этих трансформаций на разные пространства и правила игры, которым подчинялись «неформалы», выбор Кароль Сигман оказался очень удачным. Через тщательную реконструкцию их исторической траектории она смогла уловить и с особенной остротой показать решающие элементы в развитии процесса, приведшего к распаду Советского Союза и к странностям «перехода» к демократии, который довелось пережить России. Тогда как бóльшая часть других исследований, озабоченных решениями, тактиками и сговорами «крупных» акторов, эти элементы, как правило, упускали. Я еще останавлиюсь подробнее на этом аспекте данного исследования; но сначала стоит все-таки подчеркнуть, что автор не смогла бы прийти к такому результату, если бы ей не удалось собрать столь замечательный во всех отношениях материал.

Ее книга построена на фундаменте впечатляющей эмпирической работы. Кароль Сигман провела глубинные интервью более чем с 60 ключевыми активистами и руководителями московских неформальных клубов (с некоторыми из них было проведено по несколько интервью). Данные интервью позволили ей реконструировать не только семейные траектории этих клубных лидеров, но и истории их вовлечения в неформальное движение и (что оказалось не менее важным для анализа) структуру социальных пространств, сетей и институций, в рамках которых они действовали. Эти интервью также придали анализу исключительную социальную глубину. Опираясь на них, автор эффективно разворачивает свою социологическую интерпретацию и аргументацию. То же самое можно сказать и о других типах материалов, использованных в книге, например о многочисленных архивных фондах, в частности (и это тоже стоит особо подчеркнуть) архивах комитетов Коммунистической партии, «ответственных за работу» с неформальными клубами, ведущих с ними переговоры, а также надзирающих за ними. Упомянем и удивительные

аудиоархивы — записи, сделанные некоторыми неформалами в ходе и за кулисами знаменательного события, каковым стала Встреча-диалог в августе 1987 года. По мере чтения книги быстро становится ясной вся судьбоносность этого события для неформального движения, а также для той волны социальной мобилизации, которая затем ознаменовала собой необратимый процесс, запущенный Перестройкой. Читатель, не смотря на сдержанность элегантного и выверенного авторского стиля, с увлечением вживается в каждый момент этой истории — будь то недвусмысленные и в то же время скрытые переговоры по поводу «правил игры» между реформаторами из КПСС и неформалами; организация только что упомянутой Встречи-диалога; конкуренция между разными неформальными клубами в уличном пространстве, в частности в московском «Гайд-парке» (на Пушкинской площади); «заккрытие доступа» к клубу «Перестройка» ее изначальными лидерами, борющимися против быстрой «радикализации» некоторых групп неформалов, а главное, против быстрого притока новых членов вследствие первых успешных действий движения; борьба за доступ к микрофону в ходе митинга 21 мая 1989 года на московском стадионе «Лужники», в результате которой Ельцину удается взять слово до Сахарова; или многие-многие другие эпизоды. В целом книгу можно воспринимать как прекрасную работу историка, у которой есть и основа (богатство материалов), и канва — то, что Поль Вейн называет «интригой», которая оказывается захватывающей от начала до конца.

Подобное прочтение, однако, не учитывает того, что мне представляется самым важным и интересным. Сила работы К. Сигман проистекает из артикуляции всех используемых ею материалов и их интригующего переплетения с социологической постановкой вопроса и теоретической перспективой, порывающей с привычками интерпретации, чаще всего проявляющимися при объяснении российского «переходного периода». Один из решающих элементов подхода, избранного Кароль Сигман, состоит в том, чтобы со всей серьезностью отнестись к *сложности социальной организации*, то есть к структурной дифференциации социальных игр и пространств — того общества, в котором возник политический проект под названием Перестройка. В период ее развертывания, а зачастую и впоследствии многие «специалисты» по СССР,

и не только в Париже, не смогли или не захотели увидеть в начинании, предпринятом Горбачевым, ничего большего, чем грубый пропагандистский маневр, пускание «пыли в глаза» с целью «обмануть» западные страны и «усыпить их бдительность». Это объясняется далеко не только недостатком контактов с полевыми реалиями у этих аналитиков или возможной нехваткой у них исследовательских талантов. На самом деле они стали, наверное, первыми жертвами интерпретативной системы, в которую «искренне верили», — «теории» тоталитаризма. Не поймите неверно: я вовсе не ставлю под сомнение тот факт, что в течение XX века были идеологии, которые можно назвать (не впадая в интеллектуальную эквилибристику) «тоталитарными» (сегодня то же самое, возможно, наблюдается и с некоторыми другими идеологиями, например теми, которые, чтобы остаться в рамках политкорректности, я бы назвал не «исламистскими», а «джихадистскими»). Однако пониманию политических процессов в СССР и во всех системах советского типа долгие годы серьезно препятствовало упорное отрицание социальной дифференциации, то есть, в строгом смысле слова, дифференциации этих обществ на социальные сегменты, сферы или поля, более или менее открыто подчиняющиеся специфическим для каждого из них социальным принуждениям и логикам. Иными словами, в этих странах наблюдалось разделение на высоко институционализированные, относительно самодостаточные и более-менее автономные сектора, существовавшие вопреки всем политическим заявлениям элит коммунистических партий, равно как и вопреки концепциям коммунистических идеологов, чьи тезисы зеркально воспроизводят сторонники теорий тоталитаризма. Проще говоря, только при условии истинного понимания того, что именно разыгрывалось во множестве этих социальных пространств, — а также в рамках более-менее стабильных и легитимных отношений, конфликтов, противостояний и столкновений между различными акторами и группами, находящимися в этих дифференцированных пространствах и подчиненными (по крайней мере в рутинных ситуациях) характерным для этих пространств логикам принуждения, — социальные науки смогут постигнуть процесс Перестройки и его судьбу, распад Советского Союза, а также последовавшие за ним политические «переходы» (да и многие другие феномены, включая тот тип капитализма, который

утвердился затем в России и других бывших республиках СССР). При чтении этого произведения мы, кстати, сполна осознаем, насколько такая сложность социального пространства позволила и обусловила одновременно и оригинальное политическое начинание, в которое пустились лидеры неформальных клубов, и все те процессы, в которые это начинание было втянуто и в которых оно растворилось. Можно сказать, что ловушка, которой Кароль Сигман удалось избежать, взяв критическую дистанцию по отношению к «теориям» тоталитаризма, — это этноцентризм, предполагающий, что только демократические системы способны содержать в себе эту сложность и дифференциацию.

В этой связи становится понятно, каким образом Кароль Сигман пришла к тому, чтобы подкрепить свой анализ исторической траектории неформального движения некоторыми элементами теории подвижных или, точнее, *флюидных* конъюнктур, которая как раз и была разработана для сложных (в указанном выше смысле) систем¹. Неудивительно также, что Сигман при этом не только полностью задействовала эту теорию (как бывало во многих исследованиях процесса «перехода», осуществленного в тот же период другими системами советского типа в Восточной Европе), но и обогатила ее. Именно с этой точки зрения концентрация исследования на неформальном движении оказывается, безусловно, наиболее плодотворным методом. Я не собираюсь в этом предисловии узурпировать место автора, многословно пересказывая ее интереснейшее исследование, которое читатель сам постепенно откроет во всех деталях. Мне хотелось бы лишь коротко остановиться на двух-трех аспектах, которые делают аргументацию Кароль Сигман особенно убедительной. То, чем «было» неформальное движение, — его «социальное существо», его политические ориентации и выборы, принятые им решения, его внутреннее структурирование, его самоопределение и его идентичность в целом, — на протяжении всей его краткой истории формировалось под влиянием резких *трансформаций конъюнктур*, в которых его участники должны были действовать и ориентироваться. Иными словами, речь идет о меняющихся состояниях «структур» социального пространства советского общества — прежде всего, под влиянием тактической деятель-

¹ О «конъюнктурах политической флюидности» см. сноску 1 на с. 41 — *Прим. перев.*

ности (а еще точнее, конкурирующих мобилизаций) множества акторов, преследующих самые разные цели в социальных пространствах, которые сильно раличались между собой в начале изучаемого периода. Сдвиги в идентичности неформальных клубов, прекрасно показанные Кароль Сигман, сопутствовали приведению во флюидное состояние всего политического пространства, а также множественной десекторизации социального пространства, которая, в частности, стерла границы между политическими играми внутри Коммунистической партии (известно, что в этом постепенном стирании границ появление «неформальных клубов» внутри самой партии сыграло не последнюю роль)¹ и сломала институциональные ритмы, характерные для партии и обеспечивавшие ее гегемонию (с лета 1989 года съезд КПСС решили проводить на два месяца раньше, и это было сделано отчасти под влиянием мобилизации «партийных клубов», а также партийных «консерваторов»). Эта же перспектива позволила автору понять, как складывался политический проект неформалов и, в частности, как они конструировали его под влиянием сговора с реформаторами внутри партии: фундаментом или, если угодно, условием возможности этого процесса была секторизация, дифференциация между разными социальными играми, абсолютная вера в то, что решающее место политики находится непременно в пределах партийных структур. Неформалы будут пребывать в этой уверенности еще некоторое время после распада прежних смыслов политической игры, когда уже сполна начали ощущаться мощные и очевидные эффекты десекторизации. Здесь налицо классическая форма *запаздывающего восприятия* (или *гистерезиса в восприятии*), причем это касается не только неформалов. Читателю достаточно обратиться к анализируемым Кароль Сигман позициям, отстаиваемым разными течениями в КПСС накануне XXVIII съезда (в том числе, позициям многих руководителей «Демократической платформы», коллективно вышедших из партии лишь во время съезда, — как бы некоторые из них ни рационализировали этот момент в своих ретроспективных интерпретациях).

¹ Возможно, стоит подчеркнуть тот факт, что помимо неформалов многие другие акторы, начиная с «реформаторов», близких Горбачеву (быстро становящихся «централистами»), и заканчивая разнородными группами, объединяющимися вокруг Ельцина (и способствующими конструированию его «харизмы»), испытали аналогичные трансформации коллективной идентичности.

При этом автор как бы ненароком элегантно опрокидывает некоторые догмы записных методологов, и по сей день еще пытающихся противопоставлять теоретические перспективы и разработки макро- и микросоциологического уровней. Это противопоставление столь же глупо, сколь и непродуктивно: характеристики, наблюдаемые и теоретизируемые на макросоциологическом «уровне», имеют последствия и должны находят место в наблюдениях на других «уровнях», в частности там, где исследователь сталкивается с идентичностями, действиями и судьбами индивидуальных акторов. В этом и состоит один из интереснейших моментов в анализе процесса «радикализации» неформального движения, предложенном Кароль Сигман. В центре этого анализа находится один важнейший элемент: *небольшие хронологические разрывы* в «вовлечении» людей в мобилизацию, в коллективное действие могут постепенно — как раз в силу трансформирующихся конъюнктур и пространств игры, из которых эти конъюнктуры состоят, — оказывать глубокое влияние на позиционирование акторов. В анализируемом случае процесс «радикализуется» вследствие вступления в игру акторов, которые в первое время выдерживали по меньшей мере «выжидательную» позицию (кстати, зачастую внутри самой КПСС), а потом вступили в конкурентную борьбу с неформалами-пионерами, обличая их как более «умеренных», поскольку те изначально развивали свою оппозиционную деятельность, избегая прямого противостояния с компартией. На протяжении всего своего труда Кароль Сигман показывает, каким образом эти краткие разрывы во времени вовлечения акторов в коллективное действие, во многом влияющие на то, как будут разворачиваться их, скажем так, «карьеры» в период кризиса, станут одним из факторов, сформировавших как структуру игры, которая привела СССР к распаду, так и более или менее стабилизированное политическое поле, появившееся затем в России.

Все вышесказанное означает, что ни идеологии и воззрения одних и других, ни тем более какая бы то ни было социальная или психологическая предрасположенность к «радикализму» или «умеренности» вовсе не являлись ключевым элементом или фактором этого процесса «радикализации». Иными словами, *до начала* этого процесса не было никакого сообщества «умеренных», противостоящих сообществу

«радикалов» — а это, надо отметить, ставит под вопрос некоторые постулаты классической транзитологии¹. Вопреки эссенциализму, пропозывающему эти постулаты, как «умеренные», так и «радикалы» в гораздо большей степени являлись продуктами процессов, анализируемых Кароль Сигман, нежели некими «свойствами» данных индивидов. Автор, таким образом, убедительно демонстрирует *непреднамеренный* характер всех анализируемых ею процессов (и здесь опять ее дистанцирование с классической транзитологией оказывается более чем продуктивным). Причем это касается не только Горбачева, но и всех остальных политических акторов: никому из них — ни «неформалам» первой и второй волны, ни акторам «большой политики» — не удавалось контролировать игру, последствия и эффекты своих собственных решений и действий с того момента, как политическое пространство пришло в состояние флюидности.

На самом деле нам стоит опасаться не только героической иллюзии, присутствующей в классической транзитологии, но и — возможно, в не меньшей, а то и в большей степени — нашей склонности *ретроспективно предсказывать* уже известные последующие события. Ведь сегодня мы прекрасно знаем «победителей», тех, кому по истечении изучаемого периода «удалось» утвердить новую систему господства и чьи характеристики приводят в замешательство многих комментаторов. Понятно, что эти «победители» не были в массе своей ни «неформалами» из «первой когорты», ни активистами из «второй» (хотя те зачастую и «работали на» политическое предприятие, выстроенное вокруг Бориса Ельцина). Из аргументации автора становится понятно: успех этого предприятия и появление этого странного «харизматического лидера», а также то, как быстро Ельцин получил влияние на акторов, многие из которых с трудом себя с ним идентифицировали, были обусловлены прежде всего именно хаотической последовательностью критических ситуаций и конъюнктур, от которой и пострадало «неформальное»

¹ Этот термин отсылает к корпусу работ, анализирующих процессы «перехода к демократии» — прежде всего через тактические решения и дилеммы представителей элит; как известно, один из главных недостатков транзитологии как раз и заключается в полном игнорировании ею конъюнктурных трансформаций социальных структур и пространств.

движение. Вот почему я хочу упомянуть здесь последний момент, который выходит далеко за рамки периода, изученного Кароль Сигман, но который ее работа позволяет высветить. Он касается еще одного варианта транзитологии. Легко поддаться соблазну объяснять весьма специфические характеристики молодой российской «демократии» путинского образца, прибегая к уклончивому и неясному термину *path dependence* (зависимость от пройденного пути). Почему бы и нет? А priori ничего ужасного в таком повороте нет, в частности потому, что этот довольно отдаленный *результат* процессов, анализируемых в данной книге, целиком и полностью есть продукт истории, и нет никаких причин отрицать, что в получении такого результата прошлое так или иначе «сыграло роль». Однако привычные объяснения, скрывающиеся за термином *path dependence*, по крайней мере когда они касаются критических процессов вроде тех, что обсуждаются здесь, становятся крайне шаткими в том числе из-за того, какое именно «прошлое» опознается как «значимое». Это происходит, в частности, вследствие забвения или незнания того, что эти процессы, в силу своей собственной динамики, оторвались от того, что их породило, от условий их генезиса, от своей этиологии. Именно это и делает бесполезными все попытки «объяснить» особенности политической системы путинской России не только советским прошлым российского общества, но и культурными чертами «исторической России» или «русской души», которые, как принято считать, предрасполагают это общество к авторитаризму. Одна из больших заслуг работы Кароль Сигман состоит также в том, что на примере современной России она дает нам понять (хотя это и не является ее основной целью) всю тщетность культуралистских «объяснений», даже хитро замаскированных под авторитетную на первый взгляд форму *path dependence*.

ВВЕДЕНИЕ

Наша книга посвящена Перестройке — периоду кардинальных перемен, сотрясавших СССР в 1986—1991 годах. Ее цель — показать, каким образом распатывалась и затем рухнула советская система, причем сделать это через призму истории «неформальных» политических клубов, ставших значимыми акторами этого распада.

Такие клубы появились в 1986—1987 годах вне официальных организаций (коммунистической партии Советского Союза — КПСС, комсомола, профсоюзов и проч.), поэтому они и получили название «неформальных»¹ или «самодеятельных». Движение, порожденное неформальными клубами, — объект непрозрачный и сложный для изучения. Тому есть три объяснения.

Во-первых, объект этот многоликий и подвижный. За кажущимся сходством форм (клубы) скрывается крайне разнородное множество: мы обнаруживаем здесь и «инициативные клубы и группы», и «клубы избирателей», и «партийные клубы», и «народные фронты», и «движения». У этих организаций разное содержание, они используют разные стратегии и формы мобилизации и очень быстро меняются.

¹ Во время Перестройки понятие «неформальный» применялось прежде всего к этим клубам. Мы будем использовать его в этой книге именно в таком понимании, бытовавшем среди изучаемых нами акторов, а не в более общем смысле «неформализованных», «неформальных» отношений между индивидами. Такое понимание отличается также и от смысла, которое слово «неформальный» обретает, к примеру, в выражении «неформальная (теневая) экономика», то есть экономика, существующая на периферии регламентированных форм.

Во-вторых, этот объект имеет несколько измерений. Политические клубы — мелкие и в то же время важные акторы. Мелкие — по своему масштабу и месту в политическом пространстве, поскольку возникли они не в центре, а на периферии и «из низов» этого пространства. Важные — потому что уже с начала Перестройки они стали одним из самых ощутимых признаков социальных изменений, инициированных «реформаторами» из коммунистической партии. К ним со всей серьезностью относятся политические лидеры в верхах, они в центре внимания СМИ, и в конце концов они становятся одним из ярчайших символов той эпохи. Прежде всего, неформальные клубы служили свидетельством трансформаций политической системы, ее расшатывания, а потом и распада. Но вместе с тем они были действующими лицами этой трансформации, внося активный вклад в формирование нового, состязательного политического пространства, которое сложилось к 1987 году¹.

И наконец, изучаемый объект не вписывается в те категории, на которые обычно разделяют акторов Перестройки в классических концепциях переходного периода: в последних главными игроками изменений считаются либо элиты, либо, наоборот, массовые движения. Неформальные же клубы не являются ни эманациями политической элиты, ни массовым движением, однако это не помешало им сыграть важнейшую роль в политических трансформациях. На самом деле они представляют собой оригинальную форму оппозиции, которая ведет себя иначе, чем классическая оппозиция.

Вся трудность при работе с таким многозначным, подвижным и неоднородным объектом состоит в том, чтобы рассматривать его с адекватного ему фокусного расстояния, не преувеличивая и не преуменьшая его важность и масштабы.

В исследованиях о Перестройке и переходном периоде в России неформальные политические клубы часто растворяются в более широких категориях (молодежных движениях, гражданском обществе) или же вовсе не принимаются во внимание как слишком малозначительные элементы в общем процессе разложения политической системы.

¹ Это пространство было неоднородным и неоднократно менялось в ходе Перестройки. Далее во Введении мы рассмотрим вопрос о его изменениях и о появлении в его недрах нескольких конкурентных арен.

Быстротечность истории неформального движения (1987—1989) также не способствовала росту интереса к нему, и часто его попросту низводили до роли предвестника «демократического движения», которое последовало за ним в 1989—1990 годах, приняв уже более традиционную форму оппозиции.

С 1986—1987 годов были созданы тысячи клубов в самых разных сферах (культурной, научной, спортивной, музыкальной, образовательной, религиозной и т.д.), политические организации среди них почти незаметны. Первые советские комментаторы связывали эти клубы с активностью молодежи. Возможно, отчасти это объясняется спецификой употребления термина «неформал», возвращенного в обиход перестроечными журналистами. Этот термин возник двумя-тремя десятилетиями раньше и обозначал одновременно и клубы (самодельные) любителей театра, поэзии и кинематографа, создаваемые молодежью в 1950—1960-х годах, и группы подростков 1960—1970-х, чье поведение считалось более-менее девиантным и даже делинквентным. Что интересно, одна из самых первых статей о клубах, опубликованная в очень уважаемом социологическом журнале, подписана именем офицера Министерства внутренних дел¹. Использование слова «неформал» позволяет возвести генезис этих нарождающихся групп скорее к истории неполитических практик, объединяющих часть молодежи (пусть даже и девиантной), нежели к движениям оппозиции, таким как диссидентство 1960—1970-х годов. И кстати, с самого начала Перестройки слово «неформал» довольно быстро теряет всякую негативную коннотацию в глазах властей: неформальные клубы имеют возможность легализоваться, зарегистрировавшись в рамках той или иной организации, ответственной за работу с молодежью (Дворцов и Домов культуры, внешкольных учреждений досуга, образовательных учреждений). Сфера компетенции этих организаций объективирует и закрепляет, таким образом, «молодежное» определение неформального движения. Этим, возможно, и объясняется то, что первым научным исследованиям оказалось крайне трудно дистанцироваться от официальных категорий, в которые были вписаны политические клубы.

¹ Сундиев 1987. Речь идет о журнале Института социологии Академии наук. Стоит отметить, что автор вовсе не выступает за преследования неформалов.

С 1989—1990 годов неформальное движение определяется уже как феномен, затрагивающий все общество в целом, вне зависимости от возраста участников. Его рассматривают как зародыш «гражданского общества»¹. Скорее всего, такое изменение общественного значения, придаваемого неформальному движению, связано с его морфологической трансформацией: в декабре 1987 года «Правда» насчитала в СССР 30 000 клубов, а в 1989 году — уже в два раза больше; с 1990 года говорится о сотнях тысяч организаций, в которых задействовано от 2—2,5 млн до 5 млн человек.

Теперь внутри общего движения «политизированные» клубы начинают выделять в особую категорию. Их считают (в 1990 году таковых было, по одним оценкам, 3000, а по другим — 6000) и вносят в публикуемые каталоги, где они классифицированы по идеологическому профилю. Именно эти политические клубы изучают теперь как форпост и символ неформального движения. Некоторые авторы даже утверждают, что главное свойство этих «неформальных клубов третьей волны» — их политический характер². Им посвящены три серьезных труда³ общим тиражом до 145 000 экземпляров, что дает адекватное представление о том, какую важность придавало этому вопросу реформистское крыло партии.

Мысль о том, что неформальное движение — это зародыш гражданского общества, присутствует во всех российских и западных работах 1990-х годов. В лучших традициях школы, работающей с «тоталитарной теорией», С. Фиш делает акцент на оппозиции государство — гражданское общество: по его мнению, как только в режимах советского типа появляется гражданское общество, оно неминуемо перерастает в политическую оппозицию. А советскому государству свойственны «стремление монополизировать власть, нетерпимость ко всему, что проявляет независимость и бросает ему вызов, принципиальная не-

¹ Впервые в литературе, предназначенной для широкой публики, это выражение встречается в 1990 году.

² Сундиев 1990. Два предшествующих периода массового появления клубов приходятся на 1920-е и 1950—1960-е годы. На самом деле речь идет не столько о третьей волне, сколько об использовании термина «неформал» в новом значении.

³ Юшенков 1990; Печенев, Вьюницкий 1990; Березовский, Кротов 1990.

способность или отказ разделять власть и авторитет»¹. Все эти черты, утверждает автор, оставались в силе во время Перестройки, что доказывало «фундаментальную и структурную неспособность государства к реформированию»². Каковы бы ни были внутренние линии разлома в государстве, оно, по словам Фиша, всегда демонстрировало нерушимую сплоченность против гражданского общества³.

По мнению других авторов, перерождение этого «политизированного» общества в политическую оппозицию вызвано внутренними разногласиями и непоследовательностью власти, а вовсе не слаженностью и солидарностью между разными составляющими этой власти. Изначально клубы были вне политики, но потом им волей-неволей пришлось встать в радикальную оппозицию из-за неуклюжести партийных реформаторов, которые не соизволили оказать им поддержку, и из-за враждебности аппаратчиков, которые «подрывали» реформы и провоцировали конфликты с неформалами⁴. И хотя в данном случае превращение неформального движения в оппозицию не рассматривается как неизбежность, его главным объяснительным фактором остается враждебность консерваторов. Однако мы покажем, что конфликт между партийными консерваторами и неформальными группами был не столь однозначным и что формированию оппозиционного движения способствовало скорее растущее влияние радикального крыла партийных реформаторов. И кстати, нет никаких неоспоримых свидетельств о том, что с 1987 года неполитические неформальные группы стали вдруг политическими. Похоже, в этот момент акторы, изначально намеревавшиеся заниматься политикой, просто использовали единственно возможную форму осуществления подобной деятельности — то есть форму «неформального клуба».

¹ Fish 1995: 21, 27.

² Ibid: 3.

³ «Исследователи-ревизионисты [противостоящие тоталитарной школе — К.С.] часто недооценивали возможность того, что самый глубокий разлом в советской политике проходит не между “конкурирующими” интересами внутри самого государства, а между вполне определенными “руководящими кругами” и “всеми остальными” — то есть между государством и обществом» (Ibid: 11).

⁴ См., например: Weigle, Butterfield 1992: 16.